

Вспоминая трогательный образ встреченной им цветочницы, Шэнь Пяньхун лениво обмахивался веером, возвращаясь в отведенный ему дворик поместья Цинь. Решение выйти в город в первый же день Собрания Сотни Купцов оказалось явным просчетом: его имидж безупречного щеголя едва не пал жертвой неистового людского потока. Если бы не та юная дева, выручившая его из толчеи, он рисковал вернуться домой в наряде, приличествующем разве что нищему.

Устало переступив порог комнаты, Шэнь Пяньхун узнал от слуг, что Лу Юйчэнь дожидается его. Сменив направление, он пошел к другу. Несколько дней назад он определил вектор сбора информации и отправил своего маленького вампира «в поле». Судя по всему, Люк уже вернулся и, не застав хозяина, отправился к Юйчэню.

Войдя, Шэнь Пяньхун увидел своего верного спутника: Люк, с глубокими тенями под глазами, бессильно растянулся на столе, из последних сил докладывая о результатах разведки. Глянув на сгущающиеся сумерки, Пяньхун почувствовал укол совести — он вновь заставил контрагента работать на износ, ломая его привычный график. Шагнув к столу, он подхватил Люка на руки.

— Измотался? — мягко спросил он. — Отдохни. Дела подождут до завтра.

Лу Юйчэнь, который весь день провел за книгами, лишь кивнул. Полученная информация уже была систематизирована в его голове, и план дальнейших действий обретал четкость.

— Ты славно потрудился, — сочувственно произнес Юйчэнь. — Иди, восстанови силы.

Люк, затихший в объятиях Пяньхуна, даже не нашел в себе энергии возмутиться столь фамильярным обращением. Он лишь едва слышно пробормотал:

— Я голоден...

Шэнь Пяньхун, нимало не смущенный тем, что оставляет принца одного в разгар обсуждения, двинулся к выходу. Заметив мертвенную бледность на лице вампира, чей вес был едва ли больше, чем у прима-балерины из башни «Попирающая Луну», он невольно задумался, не слишком ли жестоко эксплуатирует своего спутника. Впрочем, игривый тон быстро взял верх:

— Эх... ну почему ты питаешься именно кровью? Вот если бы твоим рационом была мана или...
— Люк, вспыхнув от негодования, мгновенно зажал ему рот ладонью. Пяньхун, лукаво сощурившись, продолжил сквозь пальцы: —...или нектар страсти, я бы кормил тебя досыта каждый божий день.

Как связанный контрактом, Люк не мог причинить вред Шэнь Пяньхуну. Когда дело доходило

до утоления голода, Пяньхун сам вскрывал себе вену. Глядя на кубок, наполовину наполненный багровой жидкостью, Люк неохотно обернулся летучей мышью и припал к краю. В день заключения контракта Пяньхун уже вытряс из него почти все тайны, за исключением его иномирного происхождения и самых сокровенных помыслов.

Для шпионажа Люк был идеален — кто заподозрит обычную летучую мышь? В крайнем случае, если его обнаруживали в человеческом облике за изучением архивов, вампирская прыть позволяла скрыться в мгновение ока. К тому же он обладал редким даром общения с животными, что открывало доступ к сведениям, недоступным простому смертному. Однако постоянные трансформации и использование магии вдали от «источника» питания держали Люка в состоянии вечного истощения.

Утолив голод едва ли на две трети, Люк вернул себе человеческий облик и, пошатываясь, побрел к кровати. С тех пор как Шэнь Пяньхун закрепил их связь священными узами, Люк был вынужден делить ложе с хозяином.

Пяньхун перехватил его на полпути. Окинув взглядом одежду Люка, покрытую пятнами грязи и обрывками травы, он хищно улыбнулся:

— В таком виде ты не уснешь. Я и сам притомился. Давай примем ванну вместе, а потом... — он ловко перехватил кулак Люка, летевший ему в челюсть, и крикнул слугам: — Приготовьте горячую воду!

— Кто это пойдет с тобой... — прошипел Люк, пытаясь вырваться. — Пусти!

В пылу борьбы из рукава Пяньхуна выскользнул сверток. Вспомнив о подарке, Шэнь Пяньхун отпустил Люка и извлек шелковую ленту небесно-голубого цвета. Снова притянув юношу к себе, он приложил ленту к его волосам и удовлетворенно кивнул:

— Как я и думал, тебе к лицу. Вот вымоемся, и я сам завяжу ее тебе.

Люк понимал, что сейчас находится в фазе бурного роста — из подростка он превращался в юношу, и его силы множились. Он надеялся, что, став полноценным взрослым вампиром, сможет однажды разорвать этот проклятый контракт.

Погрузившись в раздумья, он не заметил, как его бесцеремонно раздели, словно нежный стебель бамбука. Очнулся он лишь тогда, когда слуги уже покинули комнату, оставив их наедине с наполненной лоханью.

Оказавшись в теплой воде, Люк сдался. Усталость взяла свое, и он позволил Пяньхуну заняться его омовением. Шэнь Пяньхун уверенно и мягко разминал затекшие мышцы, и вампир, закрыв глаза, отдался приятным ощущениям.

Впрочем, Шэнь Пяньхун никогда не отличался целомудрием. Образ давешней цветочницы еще будоражил его кровь, но та дева была слишком спешна. Теперь же перед ним было изысканное «блюдо», и Шэнь-искуситель не собирался упускать возможности.

Люк, не чувствуя опасности, развернулся спиной, подставляя под умелые руки белоснежную кожу. Туманный пар окутал комнату, смешиваясь с ароматом масел. Пяньхун прижался к его спине, положив подбородок на макушку и продолжая массировать тонкую талию.

Люк приоткрыл глаза, глядя на голубую ленту, брошенную на стул. Он слабо улыбнулся. Повинуясь легкому пассу руки, лента, подхваченная магией, влетела в его ладонь.

— Недурно... — прошептал он. — Подарок я приму.

— Раз нравится, может, ответишь взаимностью? — вкрадчиво прошептал Пяньхун ему в самое ухо.

Люк не был новичком, к тому же в период физического созревания его собственные желания порой становились неуправляемыми. Он спрятал лицо в ладонях и глухо бросил:

— Видимо, это всё гормоны... Делай что хочешь, только быстро. Я умираю от желания уснуть.

Шэнь Пяньхун тихо рассмеялся и, выхватив ленту из рук Люка, прежде чем тот успел опомниться, повязал ее ему на глаза.

— Эй, она же намокнет! — возмутился Люк. — Это мой подарок, а не инструмент для твоих игр!

Но Шэнь Пяньхун уже не слушал. Он прикусил мочку уха юноши, а затем требовательно скользнул руками вниз. Сквозь пар и всплески воды слышались сдавленные вздохи.

Ночь обещала быть долгой.

Лу Юйчэнь потер виски и поднял исписанный лист к пламени свечи. Бумага занялась, и когда огонь едва не коснулся пальцев, он отпустил её, глядя, как пепел оседает на пол серой пылью.

Выйдя во двор, он подставил лицо ночному бризу и устремил взгляд на луну. Информация, добытая Люком, была подобна грому среди ясного неба.

Чэньша действительно оказался Цзи Яньфэем — вторым молодым господином семьи Цзи из

страны Чжаньхай. Тот самый юноша, который едва не стал Исполняющим обязанности Святого Сына. Официальная версия гласила, что он погиб при пожаре, но правда была куда мрачнее: Фэн Ян, опасаясь усиления Чжаньхай, похитил его, стер память и превратил в безвольное орудие — тень и убийцу.

Под кодовым именем Фэй он стал одним из лучших в «Мире без границ». Мастер скрытых атак и магии воды, он был способен превратить поток в смертоносное копьё. Но помимо роли палача, Фэй делил с императором Ян Куном и ложе.

Память начала возвращаться к нему после случайного убийства человека, знавшего правду о его происхождении. Фэй стал медлить, ошибаться, а после тяжелого ранения и вовсе дезертировал. В то же время Фэн Ян едва не пал от рук заговорщиков. Гнев тирана обрушился на «предателя». Фэя поймали на границе со Сяогуан и напоили ядом «Лишенный жизни», превратив в живой труп. Его бросили в «Терем Фанфэй» — в самое пнище человеческого бытия.

И лишь двадцать лет спустя искра разума вновь вспыхнула в нем. Побег, избиение... и вмешательство Цинь Фэна, который купил его, учуяв политическую выгоду.

Лу Юйчэнь замер у ручья. Он чувствовал щемящую боль. Судьба этого юноши была соткана из страданий. Но больше всего его мучил вопрос: кем для него является Чэньша? Когда он очнулся от комы, Пяньхун сказал, что у него был возлюбленный — некий «Ша». Но Юйчэнь помнил лишь имя.

Глядя в воду, он видел отражение Чэньша — его мудрость, его потерянность, его пугающую привлекательность. Неужели Пяньхун прав, и он лишь ищет в нем замену тому, кто до сих пор не пришел в себя? Тот, другой «Ша», спит в священном лотосе, а Юйчэнь проводит ночи с его двойником. Сама мысль об этом была омерзительна.

Он вспомнил отца. Тот, некогда блистательный император, теперь превратился в тень самого себя, часами глядя на портрет утраченной любви. Юйчэнь не хотел такой судьбы. Он не хотел проснуться через двадцать лет с сердцем, полным пепла.

— Так и знал, что найду тебя здесь, — раздался за спиной праздный голос.

Юйчэнь не обернулся.

— Есть кое-что, о чем я забыл упомянуть, — Шэнь Пяньхун встал рядом, глядя на луну. — Помнишь, Чэньша якобы слег с простудой? На самом деле он был здоров. Это Фэн Ян, узнав, что ты коснулся его бывшей «тени», едва не убил Пяньхун Звезду...

Лу Юйчэнь мгновенно развернулся и стальными пальцами вцепился в воротник друга.

— Прости... — Юйчэнь медленно разжал хватку. — Он ведь в порядке?

Пяньхун поправил одежду, не меняя выражения лица:

— Его сильно побили, но он уже оправился.

— Я... я просто хотел забрать его отсюда, — глухо произнес Юйчэнь.

— Из всей «реки жизни» сколько ковшей ты намерен испить, Ваше Высочество? — тон Шэнь Пяньхуна стал ледяным.

Юйчэнь опустил голову. Он не нашел слов.

— Позволь мне быть предельно честным, — Пяньхун чеканил каждое слово. — Тот, кто спит в Чжаньхай — твой друг детства. Все знают о ваших чувствах, и народ Сяогуан примет этот союз. Но Чэньша... он — клубок ядовитых змей. Фэн Ян скорее убьет его, чем отдаст. Цинь Фэн не выпустит его из рук, пока не выжмет всё до капли. Стоит ли игра свеч? И как ты помотришь в глаза тому, первому, когда он очнется? Если ты причинишь ему боль, я не стану изменником, но по физиономии тебе настучу, клянусь.

— Я хочу видеть Ша... — в голосе Юйчэня звучала беспредельная усталость. — Просто увидеть его.

— Невозможно, — отрезал Пяньхун. — К нему не подойти и на десять шагов — защитный Массив Водяных Клинков Чжаньхай сотрет тебя в порошок.

Юйчэнь молчал. Вода в ручье перед ним внезапно забурлила, словно в котле. Пяньхун молча применил магию стихии земли, подавляя всплеск чужой силы.

Волосы Юйчэня начали светлеть от перенапряжения маны. Пяньхун держался уверенно — его мощь действительно не уступала Богине Воды.

Спустя минуту Юйчэнь выдохнул. Гнев ушел, сменившись холодной решимостью.

— Я понимаю... Я буду ждать его. Но пока мы здесь, в Цаньянь, я сделаю всё, чтобы защитить Чэньша. Я не хочу потом всю жизнь глотать слезы раскаяния.